

СМЕНА ГЕШТАЛЬТА: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (Окончание)¹

© 2020 г. Ю. А. Веденеев

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: vedpol45@gmail.com

Поступила в редакцию 02.08.2019 г.

Аннотация. Право существует в форме институтов и в форме представлений об институтах, поскольку представление чего-либо (феномен) имеет концептуальное измерение в представлении о чем-либо (понятие). Репрезентации права и представления о праве — два аспекта выражения и манифестации общей правовой реальности. Отсюда, собственно, и проистекает фундаментальная дилемма в определении предмета юридической науки. Это — наука о праве или наука о правовой науке. Принимая во внимание, что понятие права есть развернутая в систему определений теория права, практический язык права обнаруживает себя в теоретическом языке юриспруденции, и наоборот, — языки, в рамках, где действует право, и языки, на которых осмысливают явление права и составляют общий объект и предмет юриспруденции.

Юриспруденция — концептуальная часть правовой реальности, одновременно и объект, и предмет юридической науки. Эволюция юриспруденции в культурно-исторической логике изменений ее предмета и методов лежит в основании изменений ее дисциплинарной структуры и связей в общей системе социальных и политических наук. Каждой культурно-исторической эпохе существования права корреспондирует своя грамматика правопорядка и своя эпистемология права, т.е. свой аналитический язык и дисциплинарный формат юридического знания. Явление права существует в образах и определениях своей социокультуры. Определения и образы не существуют сами по себе. Они функционируют в системе образов и определений, имеющих свою концептуальную и культурную биографию. Понятие права имеет одновременно онтологический и эпистемологический статус. Право мыслится, поскольку существует, и осмысливается, поскольку определяется. Каждая традиция понимания права понятийно видит в явлении права то, что не видят или не замечают другие традиции правопонимания. В истории развития понятия права (концептуализации права) заключена история развития правовых институтов (институционализации права). Обе составляющие правовой реальности — объективные и субъективные основания и условия возникновения и развития явления права живут в рамочных определениях своей социокультуры, ее языка и дискурса (т.е. исторических форм осознания и осмысления своего права — от права, обозначенного в ритуалах, мифах, знаках и символах, к праву, обозначенному в канонических текстах, доктринах и понятиях, от права дисциплинарного общества к праву сетевых сообществ, от права политического господства и бюрократического управления к праву гражданских коммуникаций и сетевых соглашений).

Ключевые слова: грамматика традиционного и рационального правопорядка, дисциплинарный кластер, коммуникативные и когнитивные основания права, юридическая картина мира, язык дисциплины, классическая и неклассическая юриспруденция, постюриспруденция, интегративная теория права, юридический дискурс, культурный капитал, понятийные формации.

Цитирование: Веденеев Ю.А. Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен (Окончание) // Государство и право. 2020. № 2. С. 7–24.

DOI: 10.31857/S013207690008397-8

¹ Начало см.: Государство и право. 2020. № 1. С. 7–19.

CHANGE OF GESTALT: JURISPRUDENCE IN AN ERA OF CHANGE (The end)

© 2020 Yu. A. Vedeneev

Kutafin Moscow state law University (MSLA)

E-mail: vedpol45@gmail.com

Received 02.08.2019

Abstract. Law exists in the form of institutions and in the form of representations of institutions, since the representation of something (phenomenon) has a conceptual dimension in the representation of something (concept). Two aspects of expression and manifestation of the General legal reality. Hence, in fact, arises the fundamental dilemma in determining the subject of legal science. It is the science of law or the science of legal science. Taking into account that the concept of law is a theory of law developed into a system of definitions, the practical language of law finds itself in the theoretical language of jurisprudence, and Vice versa—the languages within which the law operates, and the languages in which the phenomenon of law is comprehended and constitute the General object and subject of jurisprudence.

Jurisprudence is a conceptual part of legal reality, both an object and a subject of legal science. The evolution of jurisprudence in the cultural-historical logic of changes in its subject and methods underlies changes in its disciplinary structure and connections in the General system of social and political Sciences. Each cultural and historical epoch of the existence of law corresponds to its own grammar of law and its own epistemology of law, i.e. its analytical language and disciplinary format of legal knowledge. The phenomenon of law exists in the images and definitions of its social culture. Definitions and images do not exist by themselves. They function in a system of images and definitions that have their own conceptual and cultural biography.

The concept of law has both ontological and epistemological status. Law is thought because it exists and understood because it is defined. Each tradition of understanding law conceptually sees in the phenomenon of law what other traditions of legal understanding do not see or do not notice. The history of the development of the concept of law (conceptualization of law) is the history of the development of legal institutions (institutionalization of law). Both components of legal reality—objective and subjective grounds and conditions for the emergence and development of the phenomenon of law live in the framework definitions of their socio-culture, its language and discourse (so historical forms of awareness and understanding of their rights - from the law designated in rituals, myths, signs and symbols, to the law designated in canonical texts, doctrines and concepts, from the law of disciplinary society to the law of network communities, from the law of political domination and bureaucratic management to the law of civil communications and network agreements).

Key words: grammar of traditional and rational law and order, disciplinary cluster, communicative and cognitive bases of law, legal worldview, language of discipline, classical and non-classical jurisprudence, post-jurisprudence, integrative theory of law, legal discourse, cultural capital, conceptual formations.

For citation: Vedeneev, Yu. A. (2020). Change of Gestalt: jurisprudence in the era of change (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 7–24.

3. Застывшая в себе классика и ее альтернативы

В литературе вопроса сложившееся состояние юриспруденции обозначено в качестве классической фазы концептуальной эволюции дисциплины, т.е. завершенной в самой себе аксиоматической формы юридического знания, представленной системой необходимых и достаточных догматических правоположений, которые если и нуждаются в изменениях, то только в границах своих собственных санкционированных нормативных определений. Аналитическая реконструкция советской теории государства и права — занятие малопродуктивное. Одно и то же об одном и том же на протяжении практически 50 лет ее существования с известными новациями, в частности введения в оборот категорий «правоотношение»

и «правосознание», открывших в дальнейшем перспективу социологического и аксиологического подходов в исследовании права. Предельно закрытые для изменений формальные и доктринальные основания дисциплины исключали собственно историю развития языка, предмета и структуры самой дисциплины, поскольку ее целевая функция заключалась не в объяснении явления государства и права и даже не в обосновании правомерности тех или иных политико-правовых решений. Марксистско-ленинская теория государства и права всегда позиционировала себя в качестве сферы рассуждений о власти в концептуальных границах, установленных самой властью.

Вершина научного осмысления государственно-правовой реальности в исторической логике ее

формационных изменений — издание в начале 70-х годов четырехтомного фундаментального курса теории государства и права. Оно выражало главное интеллектуальное достижение эпохи — развернутое изложение общих предметных и инструментальных оснований научной дисциплины². Поскольку определение понятия права в определениях понятия государства изначально заключало в себе идею доминирования института государства в процессах правообразования, теория государства сохраняла в этой аналитической конструкции роль концептуального ядра дисциплины. В учебном варианте данное положение нашло отражение и в ее формальной структуре. В принятой дисциплинарной схеме теории государства всегда предшествовала теории права. Вопрос междисциплинарных связей в системе юридических наук, а также различных форм организации и построения юридического знания был представлен в элементарной форме энциклопедии права. Механическое совмещение философии позитивного права, нормативной теории государства и права и социологии права³ фактически и было первоначальным вариантом реализации интегративного подхода в изучении государства и права.

Проблема аналитической разработки самой юриспруденции в качестве предмета научной рефлексии, понимание не только познавательной, но и конструктивной роли юридического знания в формировании правовых институтов и влияния на процессы правоприменения, постепенно входят в исследовательское поле юридической науки⁴. Из-

учение концептуальной эволюции юриспруденции имеет не только теоретическое значение, но также и практические последствия. Правовая реальность той или иной исторической эпохи своего существования и выражения есть итог одновременно и концептуальной, и институциональной эволюции. Конструкции институтов и определения понятий не существуют сами по себе. Правовые понятия лежат в основании институтов. Правовые институты заключают в себе свои определения. И правовые понятия, и правовые институты существуют и выражают себя на юридическом языке своей эпохи. Эволюция юридического языка в самой себе заключает и эволюцию представлений о праве (исторических процессов концептуализации права), и эволюцию правовых институтов (исторических процессов институционализации права).

Язык формально-догматической юриспруденции в своем классическом определении понятия права особое внимание акцентирует на таком правообразующем свойстве права, как принудительность. Это нормативный маркер наличия или отсутствия права в собственном догматическом смысле определения его понятия⁵. Квалификация установленных правил как правовых форм юридической организации и регулирования социальных отношений самым непосредственным образом привязана к их аналитическим определениям. В терминах данного подхода законность всегда формальна и (подобно невинности) она либо есть, либо ее нет. Хотя все зависит от степени нормативности критериев оценки того или иного состояния фактического, которые, в свою очередь, являются производными социокультуры своего времени и места. Они подвижны в своих юридических определениях и квалификациях в широком диапазоне возможных правовых решений и последствий.

² См.: Марксистско-ленинская теория государства и права. Т. 1. Основные институты и понятия. М., 1970.

³ См.: *Варламова Н.В.* Философия права и правовая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки. СПб., 2006; *Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю.* Энциклопедия права. М., 2008; Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013; *Баранов В.М.* Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике. М., 2016. С. 48–72.

⁴ В весьма краткой и емкой формуле это положение высказал П. Бурдьё: «Наука о праве... обособляется от юридической науки, принимая ее за предмет своего изучения» (см.: *Бурдьё П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 75). Различение понятий наука права, юридическая наука, юриспруденция, правоведение, юридическая теория, наука о юридической науке, метатеория, или теория теории и множество других конструкций понятийного и языкового разнообразия аналитического словаря дисциплины нуждается в более глубокой проработке и составляет ее собственное проблемное поле. В этом отношении несомненным событием является перевод и издание курса лекций в Коллеж де Франс П. Бурдьё «О государстве» в 2017 г., являющегося фундаментальным введением в теорию и методологию языка современного государственоведения.

⁵ Подобный социокультурный метаморфоз в литературном процессе сформулирован И. Пешковым: «...то, что было знаком поэтики особого этапа, становится знаком этого этапа» (см.: *Пешков И.* Риторика мифа в жанре поэтики // *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 438). Данную конструкцию можно также распространить и на право. То, что было знаком права особого этапа, становится знаком этого этапа. Практики нормативного общения безотносительно от сфер социальных коммуникаций (экономических, политических и культурных) представляют в конечном итоге обмен знаками — языками, символами и ценностями. Право и литература — категории общей языковой реальности. Очевидно, что и право, и литература, прежде чем стать предметом изучения, должны быть. Исторические практики их бытования имеют общую коммуникативную и когнитивную природу. По существу, семиотическое прочтение права имеет уже длящуюся концептуальную традицию на материалах коммуникативной и когнитивной теории языка. Язык устанавливает границы существования явления. Явление права существует в образах и определениях права. Семиотика и поэтика социально-правовых контактов и обменов — органичная часть предмета и методов интегративной юриспруденции.

Институциональным выражением аналитики принудительности права является формирование в общей системе правовых категорий института юридической ответственности, составляющего нормативное ядро правовой системы, выстроенной в логике заключенного в ней понимания права. Именно в этом смысле право таково, каково представление о праве, развернутое в системе его определений, понятий и институтов. Другие конститутивные признаки позитивистской версии понимания права как общеобязательность и формальная определенность также имеют свое институциональное продолжение. Однако оно, в отличие от принудительности права, имеет более размытое материально-правовое и процедурное выражение, т.е. скорее доктринальное и декларативное значение. Нормативный статус данных характеристик права, лежащих в основании его догматического определения, обладает пониженным уровнем своей нормативности и юридической квалификации, что подтверждает простой факт. Право — это также и политический институт, действие которого определяется широким культурно-историческим контекстом его существования и развития. Изучение предпочтений одних языков описания и объяснения феноменов государства и права другим языкам — предмет политической юриспруденции и социологии права, открывающих современную концептуальную перспективу в изучении государственно-правовых институтов. Институциональная теория права — это прежде всего история и теория процесса его концептуализации, который является также и историческим процессом⁶. Действительная история институтов и есть история представлений, заключенных в правосознании своей эпохи и развернутых в основополагающих текстах социокультуры своего времени и места. Понятие права является частью наличного правопорядка.

Парадигмальный сдвиг в развитии отечественной юридической науки связан с именем В.С. Нерсесянца, основоположника либертарно-

юридической теории права, знаменитая статья которого заложила новые теоретико-методологические основания в изучении и понимании права⁷. Предложенная версия правопонимания радикально переопределяла онтологию взаимных отношений институтов государства и права⁸, гносеологию междисциплинарных связей теории государства и теории права⁹ и, самое главное, аксиологию юридической организации социальных институтов¹⁰. Движение от юриспруденции норм и формальных понятий к юриспруденции интересов и ценностей составило собственную концептуальную фазу и традицию в эволюции юридической науки. Юриспруденция Нерсесянца составила эпоху в развитии теоретического правоведения. Ее значение не только и не столько в формировании новой аналитики и юридической школы со своей идеологией и языком рассуждения о праве. Любые новации когда-то становятся архаикой. История либертарно-юридической теории — это история становления критического дискурса в юриспруденции, без чего по определению не может быть науки как таковой. Это и история его умирания, поскольку любая концептуальная война, отягощенная собственной идеологией, кончается тем, с чего она начинается — приходом другой, воюющей за собственное доминирование дискурс-концепции, всегда неполной и открытой переопределению.

Борьба за либертарное представление о праве в его взаимоотношениях с бюрократическим государством¹¹ радикально преобразовала дисциплинар-

⁷ См.: *Нерсесянц В.С.* Право: единство понятия и разнообразие определений // Сов. государство и право. 1983. № 10; *Лукашева Е.А.* Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Сов. государство и право. 1975. № 4; *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976; *Варламова Н.В.* Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал рос. права. 2008. № 6.

⁸ См.: *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983.

⁹ См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999; *Его же.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2000.

¹⁰ См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2005.

¹¹ Базовый концепт эпохи выражен в весьма лапидарной, но тем не менее точной формуле: «Право — это язык, на котором государство разговаривает с народом» (см.: *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 316). К сожалению, автор не расширил свое понимание предмета, поскольку не затронул вопрос языка, на котором народ разговаривает с государством. А жаль, поскольку именно здесь и заключена сущность права. Позитивизм во всех своих юридических редакциях (этатизм, легализм, нормативизм, аналитическая юриспруденция и т.п.) не настолько наивен, чтобы не видеть ограниченный, утилитарный, рутинный и идеологически мотивированный смысл своего понятия права. В качестве компенсации скудности концептуального языка активно используются приемы риторических суждений о том, чего нет, но что должно быть, и прячется за сухими

ный ландшафт юридической науки в целом, вызвав появление целого спектра исследовательских подходов и направлений как внутри дисциплины, так и в ее взаимодействии с другими социальными и политическими науками. Юриспруденция начала выходить из тени собственной догматической традиции, импульс которой был задан еще в досоветский период ее развития, в буквальном смысле хладнокровно раздавленной советской доктриной и практикой государственно-правового строительства собственных институтов власти, собственности и управления¹². Проблемно-тематический поворот в юриспруденции имел свое логическое продолжение в качественной обновлении дисциплинарной структуры самой юридической науки, связанное с новым пониманием культурно-исторической природы права и становлением таких разделов научной рефлексии, как антропология права¹³, сравнительное правоведение¹⁴, социология права¹⁵, коммуникативная теория права¹⁶. В известном отношении этот процесс был вызван

формулами-предписаниями юридического текста. Риторика, как, впрочем, и пустая метафизика, поддерживающие систему наличной государственной иерархии, призваны возвысить юридическую прозу повседневной жизни до уровня правовой поэзии принципов и гарантий всевозможных благ, скрывающих простой эмпирический факт. За формальным юридическим текстом нет никакой иной социальной реальности, кроме реальности самого текста и определяющей его содержания, лексику и семантику политики доминирующего интереса. В этом смысле позитивное означает всего лишь господствующее политическое или санкционированное наличной властью дискурс-концепт.

¹² Наука, как и любое живое явление, — предмет культурной биологии и традиции. Мартиролог текстов, отправленных в небытие, откуда, если что-то и возвращается, то только при условии сохранения самих текстов, востребованных, либо культурной памятью, либо для написания историографических обзоров, либо просто по факту своего дряхлеющего концептуального существования. Их аналитическая биография и судьба закрыты обстоятельствами темного времени (см.: *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924); *Разумовский И.П.* Проблемы марксистской теории права. М., 1925; *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства // Избр. труды по общей теории права. СПб., 2006).

¹³ См.: *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2003; Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. М., 2015.

¹⁴ См.: *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971; *Нерсесянц В.С.* Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 5–15; *Варламова Н.В.* Современная компаративистика: сравнительное правоведение или сравнительная культурология // Современное правоведение: поиск методологических оснований: материалы Всеросс. науч. конф. М., 26 мар. 2010 г. М., 2011.

¹⁵ См.: *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права. М., 1995; *Гревцов Ю.И.* Очерки теории и социологии права. СПб., 1996.

¹⁶ См.: *Поляков А.В.* Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; *Его же.* Коммуникативное правопонимание // Поляков А.В. Избр. труды. СПб., 2016.

широкой переводческой активностью зарубежных научных источников, которая была органично вписана в новые условия открывшихся контактов с коллегам по юридическому цеху¹⁷.

Безусловно оценивая подобную деятельность положительно, нельзя не отметить ее существенный недостаток, заключающийся в отсутствии институционально организованных форм научной коммуникации. Между написанием и изданием той или иной научной работы того или иного автора, ее переводом и последующим изданием зачастую лежал столь значительный лаг времени, что означало фактически введение в научный оборот уже утративших свою актуальность и проблематичность научных текстов¹⁸. Очень редко первоначальная публикация на языке оригинала и ее перевод синхронизированы в приемлемых временных и предметных границах. Но тем не менее заграничный крот истории медленно, зигзагообразно и с известными отклонениями от курса делал свое дело. Итогом которого в развитии отечественной юриспруденции стало рождение концептуального Левиафана по имени постюриспруденции или категориально-понятийной формы права эпохи постмодерна — эпохи текучей современности в определениях З. Баумана¹⁹. Поэтому, прежде чем завершить пространное введение о явлении неизвестно чего от неизвестно кого, надо познакомиться с его действительными родителями и узнать, с каким посланием *urbi et orbi* они отправили в интеллектуальное путешествие своего ребенка и что от него можно ожидать в плане созидания или разрушения того, что называется онтологией, феноменологией, аксиологией и эпистемологией права. Для

¹⁷ См.: *Рене Д.* Основные правовые системы современности. М., 1967; *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. Кн. 1. Введение в изучение права и социальных наук. М., 1972; *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986; *Норбер Р.* Юридическая антропология. М., 1999; *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000; *Хук М. ван.* Право как коммуникация. СПб., 2012.

¹⁸ См., например, тексты и дискуссионные материалы, опубликованные в лучшем на сегодняшний день, на мой взгляд, издательском проекте «Российском ежегоднике теории права»: 2008. № 1 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009; 2009. № 2 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011; 2010. № 3 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011; 2011. № 4 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2012. Как всегда, на регулярное опубликование современной научной литературы и введение в научный оборот новых идей и концепций, весьма ограниченными ресурсами располагают именно неформальные юридические коллективы, которые демонстрируют самый высокий уровень научных разработок. Таким объединением сегодня является Петербургская юридическая школа.

¹⁹ См.: *Бауман З.* Текучая современность. М. — СПб., 2008. Общества постмодерна, в отличие от классических обществ формализованных структур и процессов, — общества размытых и спонтанных коммуникаций. На языке Ги Дебора — общества спектакля, и даже общества шоу. Этос эпохи не может не отражать подобный формат социального общения и продуцируемого им права.

отечественной юридической науки адекватный ответ на этот концептуальный вызов имеет принципиальное значение. Он предполагает развернутый ответ на вопрос соответствия или несоответствия проблематики и языка формально-догматического подхода к праву²⁰ все еще сохраняющего доминирующее положение в системе отраслевых юридических наук, современным тенденциям в развитии самой юриспруденции, ее предмета, дисциплинарной структуры и аналитического языка.

4. Концептуальный трансфер или постюриспруденция

Логически приставка *post* означает явление *Нечто* после всего того, что и как имело место в процессе развития той или иной категории, института и предмета. Для права это означает фазовое состояние в развитии правовой реальности, предполагающее радикальный переход от наличных форм юридического существования к формам, отрицающим ранее сложившиеся и устоявшиеся практики, что связано с изменениями и в самой юридической науке, осмысляющей подобные трансформации, прежде всего в самой себе, в границах своего юридического языка. Язык постюриспруденции — это язык новых, сложных и текучих трансграничных отношений и институтов, открытых изменениям за рамками сложившихся стандартных форм и процедур производства юридического знания, его концептуализации и институционализации. Процесс концептуализации научного знания связан с двумя аспектами его сборки в общую систему. Во-первых, с процессами ее сегментации на отдельные дисциплинарные комплексы, характеризующимися простыми и сложными отношениями между отдельными дисциплинами. И во-вторых, с процессами выделения внутри отдельных дисциплин или их комплексов концептуальных ядер, обеспечивающих наличие и поддержание на определенном аналитическом уровне их собственного исследовательского языка, его инструментария, включающего основные категории и понятия дисциплины, ее проблематику и правила или эпистемологические критерии и стандарты оценки достоверности и обоснованности получаемых знаний.

Для эпохи классической юриспруденции характерна жесткая дисциплинарная матрица ее развития и воспроизводства, в значительной мере

²⁰ См.: Синуков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 9. С. 19–29; Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2. С. 107–120; Корнев А.В. Цифровые технологии, социальные процессы, модернизация права и возможное будущее российского юридического образования // Lex Russica. 2019. № 4. С. 23–29; Четвериков В.А. Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Lex Russica. 2019. № 4, 5.

определяемая внешними социально-политическими и доктринальными практиками, лежащими за рамками этоса самой науки или того или иного научного сообщества. Для эпохи неклассической юриспруденции, составной частью фазовой эволюции которой является постюриспруденция, характерно появление размытых и эластичных дисциплинарных зон и структур, подчиняемых в своем движении собственным правилам концептуальной организации юридического знания с режимами внутреннего саморегулирования и воспроизводства. По существу, речь может идти о двух базовых моделях институционализации юридической науки, представленной административной и либеральной концепцией организации ее развития и воспроизводства.

Это идеальные типы, различающие автономные саморегулируемые исследовательские практики, представленные системой неписаных правил, и практики, построенные на принципах внешнего управления в рамках универсальных и унифицированных письменных правил и процедур, посредством которых происходит отбор приемлемых для внешнего заказчика научных концепций и теорий. В действительности имеет место определенный баланс между этими двумя подходами в понимании природы знаниевых форм существования и развития юридической науки — научной репутацией и административным предписанием, динамика взаимных отношений между которыми зависит от типа социокультуры того или иного общества, открытого или закрытого, демократического или авторитарного, что подтверждает известный социологический факт. Социогуманитарное знание в целом и юридическое знание (особенно) в различных формах его выражения и трансляции — это не только представления о должном порядке, но также и социальный институт, обладающий собственной, когнитивной и социокультурной нормативностью, обеспечивающий порядок внутри самой системы юридических знаний и в ее взаимодействии с другими социальными и политическими институтами.

В этом аспекте понимания природы постюриспруденции как особой формы социокультурной рефлексии и процесса легитимации или делегитимации систем юридических знаний, выстроенных в логике различных культурно-исторических оснований своего признания или отрицания, является фундаментальной темой и проблемой. Ее теоретическая разработка составляет одну из самых актуальных задач современной фазы концептуальной эволюции юридической науки²¹. Проблемы постюриспруденции — это проблемы прежде

²¹ См.: Ломакина И.Б. Легитимация правовых знаний в социокультурном контексте // Легитимность права / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2019. С. 256–275.

всего самой постюриспруденции. И заключены они в вопросе соционормативных и культурно-исторических оснований процесса формирования данной фазы институционального и концептуального развития. Это состояние и логический итог исчерпанности ресурсов прежних практик юридического развития или открытие новой перспективы преодоления этатистской версии понимания права и условие радикальных преобразований институциональной и концептуальной логик осмысления и функционирования существующих институтов. Что можно ожидать от юридического будущего в ситуации, когда диагностика кризиса производится в терминах языка, породившего кризис? Можно ли описать данное явление в терминах концепта Куновской революции смены парадигм?²² Можно ли перенести на процессы трансформации правовых систем идеи генеративной грамматики языка Н. Хомского и рассматривать протекающие внутри правовых систем процессы как проявления генеративной грамматики права, выраженной в правилах порождения, трансформации и признания альтернативных языков описания и объяснения права?²³ Чем определяются границы институциональных и концептуальных изменений юриспруденции — социальными и когнитивными правилами или грамматикой самого правопорядка, вопрос риторический. Грамматика правопорядка — комплексная категория. Это система правил институционализации и система правил концептуализации права в рамочных определениях и границах юридического языка своей социокультуры и ее этоса. И здесь существенно понимание фундаментальных различий линейной (инерционной) и циклической (генеративной) грамматики правопорядка, грамматики минимальных или имитационных и грамматики парадигмальных или структурных изменений в системах юридической организации социальных отношений. Грамматика воспроизводства прежнего правопорядка, его пролонгации или грамматика его преодоления и преобразования, грамматика авторитета, традиции и социальной иерархии или грамматика консенсуса, конвенций и социальных лифтов.

Новая правовая реальность с ее собственным практическим и теоретическим языком описания и объяснения процесса перехода возникает в пространстве социокультуры с накопленными в нем разнонаправленными практиками, настроениями и переживаниями ожидания прихода мессии с его символами грядущего светлого юридического будущего и способного предложить нечто удобоваримое и усваиваемое правосознанием кризисной эпохи. Как всегда, носители нового символа веры

рядом, надо лишь в него поверить, совместив идею *генеративной грамматики языка* Н. Хомского с *юридическим концептом действительности* Гаджиева. Их объединяет фундаментальное основание социальной реальности — ее языковая и юридическая составляющие общего механизма социальной коммуникации. Исторические формы существования языка и права являются выражением органической нормативности социального порядка как такового в самом себе заключающего все разнообразие будущих языковых и юридических практик социального общения. Право генетически задано процессами социального общения. Также генетически задана способность осмыслять данные процессы в терминах должного или недолжного социального порядка как правопорядка. Явление права — производная социальных коммуникаций, осмысляемых на языке социокультуры своей исторической эпохи. Язык права и есть язык социальной коммуникации, чье существование, развитие и воспроизводство определяется нормативной грамматикой социального порядка²⁴.

При всем разнообразии подходов в понимании нормативной природы права — классический позитивизм, неклассические версии понимания права (культурно-историческая юриспруденция, естественно-правовая доктрина, либертарно-юридическая теория) и постюриспруденция (феноменология, правовая герменевтика, синергетика) государственный позитивизм продолжает благополучно жить, не обращая внимания на свой преклонный возраст и реанимируя себя

²⁴ Актуальность постановки вопроса социокультурной природы юридического языка и его концептуальная разработка за рамками формально-догматической интерпретации языковых конструкций и определений позволяет свернуть с проторенной дорожки отечественной традиции юридико-технического (инструментального) понимания языка права. Юридический язык в терминах генеративной грамматики социального порядка составляет основание прежде всего процессов правообразования и правопонимания. Правоприменение и толкование норм права — всего лишь моменты его действительного существования. Догматическая трактовка права фактически и, по существу, не видит и не хочет видеть другой правовой реальности кроме формально-логически и грамматически организованного языка официального письменного текста (см.: *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012). Доверие государства формально-догматическому правопониманию объясняется заблуждением, что, постоянно редактируя тексты нормативно-правовых актов, можно редактировать и санкционированную ими реальность. Действительное право заключено в самой социальной реальности. Государство может лишь классифицировать и формализовать социальные отношения, исходя из своего адекватного или неадекватного понимания внутренней нормативной логики функционирования наличной сети социальных коммуникаций. Социальные институты сами в себе заключают юридические порядки собственной организации. Юридическое начало имманентно социальным отношениям и предполагает возможность сосуществования различных формальных и неформальных техник и практик их нормативной регуляции.

²² См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2009.

²³ См.: *Хомский Н.* Три модели описания языка. М., 1961.

в концепции дуальной природы права, сочетающей естественно-правовые (ценностные) и формально-правовые (догматические) определения. Все остальные конструкции, концепции и перцепции либо ушли в историческое небытие, либо продолжают грезить концептуальным реваншем. Для отечественной юридической науки квалификация и обозначение ее современного состояния как постюриспруденции весьма проблематичны, поскольку никаких глубоких институциональных и структурных бифуркаций в праве и в доктринальных, и в концептуальных основаниях дисциплины не происходит. Хотя социокультурный и когнитивный запрос на изменения в понимании природы права, его языка и дискурса ощущается повсеместно²⁵. Узок круг разрушителей установленного концептуального порядка. Начало положено, но пока ему не видно конца. Объясняется это, видимо, весьма значительным по своему воздействию историческим обстоятельством на открывающиеся возможности эпистемологических изменений. А именно — особенностью нашей культуры консервативного восприятия действительности и формального включения в ее аналитический словарь заимствованных слов при отсутствии описываемой ими фактической реальности, т.е. означающего без означаемого.

Слова формируют и меняют наличную реальность, если сама реальность готова и способна их адекватного понимать и воспринимать. Процессы ее категоризации, концептуализации и институционализации протекают в исторической логике социокультуры своего времени. А это уже тема и проблема правосознания не столько отдельных носителей перемен, сколько общества в целом как адресата одновременно и социокультуры традиции, и социокультуры развития. Постюриспруденция — явление и продукт не только глобализации и унификации социального порядка, но и скорее общего кризиса онтологических, аксиологических и эпистемологических оснований в системах социального общения современной эпохи. Язык юриспруденции либо открывает, либо закрывает вход в новый, меняющийся на глазах мир. Как мы справимся с этим

²⁵ См.: Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика. СПб., 2002; Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016; Культуральные исследования права / под общ. ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018; Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2019; Антонов М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды ИГП РАН. Т. 12. 2017. № 4; Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. М., 2016; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

соционормативным вызовом, так и будет. Ресурсы развития юридической науки, ее дисциплинарной структуры и языка заключены в накопленном, нерастраченном и не девальвированном символическом капитале идей и ценностей юридических картин мира, устанавливающих ментальные, когнитивные и эпистемологические основания и границы преобразований наличных соционормативных систем. Идея культурного капитала²⁶, высказанная П. Бурдьё еще в 1983 г., востребована отечественной юридической наукой эпохи перемен, нуждающейся в качественном обновлении своего словаря, способного уловить, понять и адекватно выразить новые потребности и условия собственного развития. Введение в юридический анализ пограничных аналитических единиц, имеющих собственную инструментальную биографию и традицию использования в других областях научного знания и позволяющих капитально расширить предмет и понимание природы права, представляется существенно значимым моментом преодоления концептуальной инерции классического юридического языка²⁷.

²⁶ См.: Бурдьё П. Формы капитала // Бурдьё П. Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 521–528.

²⁷ Достаточно полная иллюстрация непрерывной традиции переопределения базовых единиц научного анализа представлена в социологической теории, начиная с элементарных понятий дисциплины и завершая современным состоянием ее концептуальной эволюции (см.: Вебер М. Основные понятия социологии // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 453–482); Шепанский Ян. Элементарные понятия социологии. М., 1969. Меняющийся контекст социальных отношений постоянно требует внимания к наличной номенклатуре используемых понятий, позволяющих социологически осмыслить явления общественной жизни составляющих предмет социологии на адекватном предмету дисциплины языке (см.: Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства. — Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 1. 1993; Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018). В постреволюционной юриспруденции опыт такого анализа представлен в статье отечественного правоведа Н.С. Тимашева «Фундаментальные социологические концепты», опубликованной в *American Journal of Sociology*? 1952. № 2. Vol. 58 (см.: Тимашев Н.С. Методологические работы. 1920–30 годы М., 2010. С. 53–75).

Общая схема изучения категориального и понятийного языка социологии включала такие структурные элементы, как рабочее определение понятий и анализ происхождения, текущие значения и интерпретации, критические замечания и срез сохраняющейся актуальности аналитических единиц. Количественные и качественные изменения в базовом языке дисциплины в диахроническом аспекте его существования и выражения позволили обнаружить, описать и объяснить культурные и концептуальные различия отдельных практик социального общения, т.е. выявить ключевые термины эпохи, устанавливающие аналитические границы их исследования. К сожалению, подобные научные проекты в юриспруденции не нашли своего системного, предметного и методического воплощения и приложения.

5. Дисциплинарный кластер

Дисциплинарная структура юридической науки складывается в рамках юридических картин мира исторической эпохи и определяется принадлежностью к той или иной культуре понимания права, в ее собственных интенциях фиксирующей свои ключевые категории и понятия. Каждый акт социального общения в различных системах социокультурных координат наполнен собственным символическим смыслом и практическим значением. Аналогично историческим эпохам существования права – права до права (социоригинального права), классического (*формального*) права и права после права или постправа (*права трансграничных коммуникаций*). Можно также рассматривать и эпохи формирования и существования науки права – юриспруденции до юриспруденции, классической юриспруденции и постклассической юриспруденции. Каждая эпоха существования права и науки права является выражением юридического концепта действительности своего исторического места и времени, представленного в определениях языка своей социокультуры – языка мифоритуальной, религиозно-символической и рационально-логической общей юридической грамматики права и науки права, порождающей тот или иной конкретно-исторический, нормативный и концептуальный формат права и науки права. Языкам определений и понятий права корреспондируют языки правил и институтов права, объединяемые общей историей своего становления, генезиса и развития. Это две стороны общей правовой реальности – концептуальной и институциональной, движение которой подчинено собственной внутренней генеративной логике процессов ее концептуализации и институционализации.

Эволюция концептуальной структуры науки права и институциональной структуры права протекает в их взаимных отношениях и взаимовлияниях из одной юридической формы в другую и составляет предмет интегративной юриспруденции.

Не вполне корректно связывать появление данного формата существования юридического знания только с современным состоянием развития юридической науки. Каждой эпохе осмысления права соответствует свой формат интеграции наличного юридического знания в определенные дисциплинарные комплексы. Каждой эпохе организации системы представлений о праве отвечает своя дисциплинарная структура, которая характеризуется своим составом элементов и связей, т.е. имеет свой дисциплинарный кластер, в рамках которого протекает процесс осмысления правовой реальности в терминах и определениях языка ее исторической эпохи. Дисциплинарный кластер юридической науки каждой исторической эпохи аккумулирует

в себе ее юридическое наследие, составляющее накопленный правовой капитал будущего в развитии языка права и языка науки права. Историческая семантика и поэтика сакрального, религиозного и понятийного языка выражения и осмысления права, жанрово-тематические формы репрезентации юридических текстов, генерации терминологии и грамматики юридических дискурсов составляют новое проблемное юриспруденции. Лингвистический культурно-исторический поворот в юриспруденции еще тихо дремлет и ждет своего часа²⁸. Правовые системы, типологически различные в своей онтологии (*категориях*), аксиологии (*ценностях*) и эпистемологии (*концептах*), входя в эпоху постмодерна, нуждаются в глубокой трансформации официального кодифицированного языка и дискурса.

Генеалогия бытия права и науки права предметно, содержательно и формально может быть представлена в истории становления и развития именно дисциплинарной структуры интегративной юриспруденции. Исследования, ведущиеся в рамках данного формата правоведения, предполагают совмещение как синхронического, так и диахронического аспектов и измерений существования и выражения науки права. Следует четко представлять исторический контекст эволюции дисциплинарной структуры юридической науки, поскольку различные подходы в понимании природы права и определении его понятия в значительной мере являются функцией языка его социокультуры, в рамочной аксиологии и эпистемологии которой изучаются конкретно-исторические типы отдельных правовых систем. Правовые системы, по существу, и являются выражением исторической эволюции грамматики правопорядков, совмещающих правила юридической организации социальных отношений (в системе наличных источников права и правовых институтов) и правила их осмысления, понимания, описания и объяснения (в системе наличных правовых доктрин и правовых знаний). В этом аспекте понимания концептуального статуса и дисциплинарной структуры интегративной юриспруденции ее общим предметом является нормативная и аналитическая грамматика правопорядка, на пересечении которых складывается ее общее понятийное ядро – язык интегративной теории права.

Составные элементы интегративной теории права могут быть аналитически представлены в определениях ее предмета и методов, научного

²⁸ См.: Хомский Н. Глубинная и поверхностная структура // Хомский Н. Картезианская лингвистика. Главы из истории рационалистической мысли. М., 2018. С. 70–106; *Потанинко Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015; *Перлер Д.* Теории интенциональности в средние века. М., 2016.

языка дисциплины, его базовых категорий и понятий, а также междисциплинарных связей в общей системе социогуманитарного знания, в совокупности дающих логически достаточно полное представление о структуре и истории становления и развития самой дисциплины. Опыт концептуальной разработки самих научных дисциплин в исторической логике смены и заимствований знаниевых форм и форм рефлексии имеет собственную традицию и весьма подробно разрабатывается отдельными направлениями зарубежной исторической эпистемологии²⁹. Для отечественной юриспруденции здесь открывается широкая перспектива в изучении концептуальной эволюции дисциплины, существенно обогащающей не только ее предметные и методологические основания, но также (и прежде всего) социокультурные, ментальные и когнитивные различия юридических картин мира в практиках восприятия, понимания, оценки и объяснения правовой действительности, ее цивилизационное измерение.

Право — не физическая реальность, хотя включает в себя учреждения, институты и процедуры законодательной, исполнительной и судебной власти. Право — метафизическая реальность. Ее нельзя потрогать руками. Ее можно коснуться только сознанием, через восприятие, переживание и осмысление в образах, мифах, представлениях и понятиях. Это — субъективно ориентированная онтология нормативно должного, выраженная в топиках коллективного или индивидуального социального поведения. Право — своего рода юридический текст, одновременно концепт и конструкт — ментальное представление о должном и нормативная конструкция должного. Историческая эволюция права является выражением эволюции юридических картин мира, смены гештальта эпохи или мировоззрения определенного исторического (культурного) времени и определенного исторического (культурного) пространства. Юридические картины мира лежат в основании конституирования систем правовых институтов и систем юридических знаний. Связь данных проявлений общей правовой реальности онтологически задана. Влияние правовых институтов на развитие юридических знаний (их содержания и структуры) и юридических знаний на развитие правовых институтов (их содержания и структуры) подтверждается исторической практикой функционирования типологически различных правовых систем.

Социокультурный контекст и механизм преобразования или перехода знания о праве в правовые институты составляет ключевую тему современной

юриспруденции. Отсюда и проистекает то, что составляет предмет феноменологии права, или права в восприятии и переживании права, аксиологии права, или права в отношении и оценках права и эпистемологии права, или права в определениях, теориях и концепциях. Феноменология, аксиология и эпистемология права — это ментальное и когнитивное измерения существования права, выражение его онтологии. Онтология права, или бытие права обнаруживает себя в двух модусах своего существования — внешнего бытия права и его внутреннего бытия, глубинной концептуальной реальности и поверхностной институциональной реальности.

Явление права существует в определениях эмпирического языка права (*конструкциях*) и определениях концептуального языка права (*представлениях*). Язык, на котором говорят и рассуждают о праве, уже в самом себе заключает то, что мы мыслим о праве, то, как мы мыслим о праве, и то, что мы знаем и можем узнать о праве, т.е. предмет рассуждения, способ рассуждения и результат рассуждения о праве. Иначе говоря, еще до того, как мы начали размышлять о явлении права, границы его определений уже заданы и очерчены самим языком. В этом плане правовая реальность, которая прячется в явлении права — фактически и по существу функция языка, его словаря и терминологии, его грамматики, правил и процедур рассуждения. Все аспекты существования и выражения права в буквальном смысле связаны языком социально-правового общения и осмысления права³⁰. Явление права существует и воспроизводит себя на языке социокультуры своей эпохи или ее нормативной и концептуальной грамматики. Юридическая грамматика, или грамматика правопорядка формирует сложный, многоуровневый и многокомпонентный ансамбль возможных юридических практик, обеспечивающих организацию социальных отношений в их нормативных конструкциях и определениях. Аналитический язык, на котором рассуждают о праве, обладает концептуальной нормативностью, устанавливающей границы понимания и определения права.

Постановка вопроса концептуального статуса и дисциплинарной структуры юриспруденции

²⁹ См.: Эриксен Т.Х. Что такое антропология? М., 2014; Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015; Лакман Р. Что такое историческая социология? М., 2016.

³⁰ Язык права сущностно (т.е. в его онтологии) возникает на пересечении объективных и субъективных оснований социального общения, или когнитивной и поведенческой составляющих социальной коммуникации. Явление права живет в сознании. Сознание формирует право в рамочных значениях (семантике) языка социокультуры своего времени. Общая грамматика правопорядка заключает в себе одновременно и правила мышления, и правила поведения. Проблема генезиса и взаимодействия когнитивной и коммуникативной грамматик правопорядка — предмет и тема интегративной теории права в двух логиках ее аналитического построения и определения — когнитивной теории языка права и его коммуникативной теории.

в социокультурном и междисциплинарном контекстах ее развития выражает разные аспекты проблематизации ее предмета и методов, соответственно, проблемы, связанные с изучением феноменологических и аксиологических оснований структуризации науки права, и проблемы, связанные с изучением когнитивных и эпистемологических оснований структуризации науки права. Не касаясь всего разнообразия основных тенденций и векторов развития юриспруденции, можно выделить следующие четыре фазы и схемы ее концептуальной структуризации в целом: формально-догматическую, реалистическую, культурно-историческую и собственно эпистемологическую. Перечисленные форматы построения юриспруденции в различных модусах их научно-практического выражения, как классического, так и неклассического, в конечном итоге воспроизводят культурно-исторические логики эволюции самой дисциплины. Безотносительно от чего бы то ни было в основании этих процессов лежат парадигмальные сдвиги в практиках социального общения и, соответственно, языка и дискурса (*словаре и аргументации*) новой эпохи. Именно эти составляющие права — юридический язык и юридический дискурс — образуют собственный предмет теории права, эпистемологию права. Эпистемология права и есть общая теория права в ее собственном смысле данного понятия, т.е. теория, предметом которой является сама теория.

Исторически первый формат юриспруденции включал в свою дисциплинарную систему философию права, историю государства и права и историю политических и правовых учений. Аналитический язык составлял четко структурированный круг понятий и догматических правоположений. В данном дисциплинарном контексте аналитика исследования права сосредоточена (главным образом) в определениях формальной теории и доктринальной истории права. Она сохраняет свое аналитическое значение, поскольку ее содержание образует предметный и категориальный фундамент юридической науки и составляет правовое наследие юриспруденции в целом³¹. Другой формат концептуальной эволюции теории права включил в орбиту своего внимания проблематику юридических дисфункций, определяемых влиянием социальных и политических факторов в практиках правоприменения и вызывающих отклонения системы установленного и фактически действующего права.

³¹ Классика жанра в отечественной юриспруденции представлена трудами Г. Шершеневича, И. Ильина, Н. Алексеева, Е. Трубецкого, Ф. Тарановского. Это — действительно гвардия отечественной юриспруденции, задвинутая в тень чужой советской истории. К сожалению, академические и университетские традиции допереворотной культуры научного общения утрачены и, видимо, навсегда. Сегодня — одни менеджеры от науки и продавцы аналитического воздуха.

Язык социологически ориентированной юриспруденции внес существенный вклад в исследование реальной практики юридической организации социальных отношений.

Новый этап в развитии теоретической юриспруденции был связан с пониманием роли историко-генетических и социокультурных оснований в процессах правообразования и эволюции правовых систем. Дисциплинарная структура юриспруденции пополнилась такими новыми направлениями концептуализации права, как правовая этнография, антропология и психология правовых институтов. Антропологическая ориентация юридической науки сыграла важную роль в понимании социогуманитарной природы права. В рамочных определениях языка культурно-исторической юриспруденции нашло свое предметное выражение человеческое измерение правовой реальности (как в ее феноменологии, так и в ее аксиологии). Четвертая фаза парадигмальных изменений в общем корпусе юридической науки, терминологически обозначаемая как постюриспруденция, связана с общим кризисом онтологических оснований права и современного правопонимания и определяется им. Потребность в преобразовании концептуального языка описания и объяснения новых тенденций в практиках юридической организации социальных отношений вылилась в критику теоретического инструментария юридической науки, его способности быть адекватным меняющимся условиям правового развития.

Понимание того, что эволюция права — это также эволюция форм и систем знаний о праве, их структуры и содержания, категориального и понятийного аппарата — под другим углом зрения выявило проблему предмета теоретической юриспруденции. Наука права — культурно-исторический феномен. Наука права, так же как и право, — функция или производная исторического времени и пространства. Юриспруденция воспроизводит себя в системе меняющихся концептуальных и эпистемологических координат. Концептуальная эволюция, так же как и институциональная эволюция, имеет собственную логику изменений, выраженную в таких фазовых преобразованиях систем юридических знаний, как донаучная, переходная и собственно научная (понятийная) фазы в развитии знаниевых форм рефлексивности, его аналитического языка. Фазовые переходы и изменения носят не линейный, а циклический характер. Все возвращается на круги своя, если не думать о будущем. Процесс концептуализации права связан процессами дифференциации и интеграции знаний о праве, консервации или формированием новой дисциплинарной структуры. Индикатором перемен являются изменения в содержании и структуре связей в системе общих и отраслевых юридических наук, в сохранении закрытых

и появлении новых, открытых предметных сфер в изучении права и науки права.

Процесс смены теоретико-методологических подходов в понимании природы, форм существования и выражения права, т.е. ментальных, когнитивных и концептуальных оснований права, получил логическое отображение в появлении в составе юридической науки таких дисциплинарных областей, как правовая лингвистика (поэтика и семиотика), правовая герменевтика, сравнительная юриспруденция. Предмет сравнительной юриспруденции, в отличие от предмета сравнительного права, акцентирующего внимание на сопоставлении правовых институтов, лежит в плоскости сравнения языков описания и объяснения различных правовых систем. Ее аналитическая повестка включает изучение культурно-исторических оснований обменов и заимствований языков права и науки права, жанровых форм и тематических сюжетов юриспруденции, риторических конструкций и формул, ее аналитики, терминологии и техники социокультурной мотивации и аргументации правовых суждений и определений. Это проблема языковых транзитов в системе правовых систем — переопределения понятий и деформации правовых конструкций в процессах трансграничных пересечений и обменов. Здесь лежит еще непаханное поле аналитических тем и решений. Весьма точно подобные концептуальные ситуации охарактеризовал П. Вирно, итальянский философ и методолог: «здесь мы имеем дело с представлениями, не имеющими истории и лексикона...»³². По сути, реальная структура категориально-понятийных систем имеет сложную слоистую конфигурацию, каждый слой которой включает в себя элементы своей собственной истории развития. Слои перемешивались и образовывали внешне несовместимые, но внутренне спаянные общим культурным и правовым наследием концептуальные комплексы со своей иерархией аналитических определений, конструкций и терминологий³³. Это — предмет археологии понятий или, в терминах

³² Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М., 2015. С. 34.

³³ Заслуживает внимания введение в научный оборот концепта «*понятийные ряды*», хотя, очевидно, что его аналитическим коррелятом является конструкция «*категориально-понятийный аппарат*» совмещающая категориальные (конкретно-универсальные) и понятийные (инструментальные) рамки разработки теории права в целом и отдельным аспектам или уровням описания и объяснения государственно-правовых явлений. Действительный интерес представляет разработка концепции «*аналитических комплексов*», совмещающая предметные, эпистемологические и формально-логические основания и определения феномена права во взаимных, парадигматических и синтагматических отношениях между уже включенными и включаемыми в аналитический комплекс элементами-понятиями. Значение имеет не сам понятийный ряд как таковой в составе его элементов (перечней) и сочетаниях элементов (последовательностей), а сетевая структура связей между понятиями-элементами на различных уровнях их концептуальной организации, т.е. само понятийное пространство и его внутренний порядок, что позволяет выявить собственное

М. Фуко, археологии знаний — исторической онтологии и эпистемологии права.

Наиболее значимый парадигмальный сдвиг в концептуальной эволюции теории права заключен в активном формировании в ее структуре двух взаимосвязанных дисциплинарных направлений — эпистемологии правовой науки и истории концептуальных форм существования и выражения права. Эпистемологическая ориентация в правоведении связана с переформатированием ее аналитического ядра, формированием в его структуре новой концептуальной и предметной категории — теории юридической теории или юриспруденции юриспруденции. Эволюция юридической науки — это эволюция юридического концепта действительности в его институциональном и когнитивном измерении в различных культурно-исторических контекстах формирования и развития юридической картины мира. И право, и наука права в целом и в отдельности есть проявления юридической картины мира в системе ее базовых категорий, ценностей и представлений о должном или недолжном порядке отношений. Выраженная в определениях и терминах культурно-исторической юриспруденции — это система метаоснований, ориентаций и траекторий возможных структурных трансформаций в системах права и системах знаний о праве. Смена паттернов, гештальта³⁴ или габитуса³⁵ (глубинных архетипов восприятия и понимания действительности) означает изменения культурной матрицы и культурного капитала определенной эпохи, медленно пополняемого, быстро расходуемого и постоянно девальвируемого в практиках социального общения.

место элемента-понятия в общей категориально-понятийной системе — ее аналитическое ядро и периферию.

Аналитическая разработка сетевой структуры понятийных связей, т.е. понятийных сетей имеет двойное назначение. Во-первых, понятийные сети являются логической импликацией сетевой структуры самой изучаемой реальности, скрытых в ней правовых явлений и институтов. Во-вторых, понятийные сети — выражение и аналитическое развертывание доминирующей парадигмы эпохи, в рамочных определениях которой понятия-элементы получают свое предметное и функциональное значение. Ключевая проблема концептуализации сетевой реальности, т.е. распределения понятий-элементов, исходя из их действительного места в общей логико-понятийной сети, заключается в ее многомерной мобильности, текучести и неопределенности (подвижности), как по факту ее существования, так и по факту ее развития, что требует, соответственно, разработки новой грамматики правопорядка или логики и языка его понятийной репрезентации.

³⁴ См.: Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М., 2018; Мартынов В.И. Конец времени композиторов. М., 2019.

³⁵ См.: Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2014. С. 75; Его же. Габитус и пространство стилей // Бурдые П. Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. С. 538–543.

Каждую историческую эпоху эволюции юридической картины мира характеризует своя система мышления о праве (осмысления и категоризации права), своя система понимания природы и источников права, своя система культурных и концептуальных границ определения права. Каждая историческая эпоха существования права в его собственной онтологии, т.е. категориях ее исторического бытования, живет только в исторических определениях своего права, т.е. понятиях его исторической эпистемологии. У каждой эпохи свое право в его категориях, символах и определениях. Каждой кризисной эпохе в эволюции юридических картин мира корреспондируют свои исторические логики трансформации правовых институтов, ценностей и представлений о праве. Фазовые изменения юридических картин мира получают свое отражение в фазовых изменениях систем юридических знаний — от мифопоэтических форм через системы религиозно-символических представлений о праве к системам рационально-логических определений понятия права.

* * *

Новая правовая реальность требует своего институционального и аналитического языка. На смену традиционным жестким категориально-понятийным сетям описания и объяснения права на языке догматической традиции, не спрашивая разрешения на право говорить о том, что составляло ее концептуальную монополию, приходят текущие аналитические конструкции, определяемые динамичной средой конкурирующих подходов, исключающих возможность апелляции к последней инстанции юридической истины — государству. Историческая эпистемология права и есть концептуальный ответ на этот запрос современного понимания природы права и знания о праве. Ее аналитическое ядро — структурно-генетическая юриспруденция. Ее аналитический подход — историческая грамматика правопорядка. Ее аналитический предмет — право и наука права в категориях и определениях языка социокультур своего времени. Налицо проблема перехода из одной социокультурной традиции понимания и выражения права в другую историческую традицию. Она связана проблемой изменения политического, культурного и языкового контекста и изменения исходного значения и смысла транзитных юридических понятий и конструкций, предметных и аналитических границ их интерпретации и практического использования³⁶.

Смена гештальта в юридических системах постмодерна связана с феноменом сетевой власти

³⁶ См.: Хауленд Д. Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX века. М.— Челябинск, 2020.

социальных коммуникаций, что означает простой нормативный факт: государственная политика во всех институциональных формах и практиках своего существования определяется социальными сетями. Эпоха отождествления государственного и политического в практиках социального общения уходит с исторической сцены. На место ее регуляторных инструментов (правил, процедур и конструкций) приходит эпоха сетевых адаптаций и саморегулирования в процессах социализации и институционализации права. Эпоха сосуществования *концептов* жесткого и мягкого права обретает свою собственную историю. На смену правового языка, дискурса и аналитического инструментария монистической юриспруденции приходит правовой язык, дискурс и аналитический инструментарий плюралистической юриспруденции. Чем все кончится, слава Богу, никто не знает: ни начальники, ни подчиненные, поэтому все вынуждены будут разговаривать друг с другом на языке общей судьбы, т.е. общего права или общей грамматики правопорядка.

Остается только ответить на один сакраментальный вопрос. Феномен права — это функция социальных коммуникаций, социально-нормативный факт и его открывают в заключенной в нем онтологии или феномен права — это функция политики социального конструирования и нормативное решение, санкционированное спрятанной в нем идеологии? В ответе на этот сакраментальный вопрос и лежит ответ на вопрос: «*что есть право, а что не есть право?*», что собственно и составляет главный предмет правоведения, представленной в определениях семиотики, поэтики и герменевтики юридического текста, соответственно, коммуникативной, когнитивной и интерпретативной теории права. Концептуальная биография юридической науки в определениях Шершеневича, Кельзена, Харта и концептуальная биография юридической науки в определениях Петражицкого, Эрлиха, Гурвича дают разные ответы на этот вопрос, и оба правильные в собственной парадигме. Право — не функция чего-то и не инструмент кого-то. Право — это бытийно данная, феноменологически переживаемая и эпистемически осмысляемая реальность должного порядка в культурно-исторических практиках социально-нормативного общения.

Что делать с многоликим Янусом в его прошлом, настоящем и будущем? Ответ на вопрос, *что есть право*, означает определение того, что не входит в формально-догматическое определение понятия права. Эпистемологический статус постюриспруденции открывает новую концептуальную перспективу в развитии прежде всего самой юридической науки. В отличие от закрытых форматов ее

предметного и методологического существования³⁷, постюриспруденция находится в открытом междисциплинарном пространстве, которое, постоянно обновляясь, собственно и является основанием ее рождения и воспроизводства. В этой логике своего развития категориальная и понятийная дорожная карта постюриспруденции неисчерпаема в определениях явления права. Право при всем разнообразии исторических форм своего институционального и концептуального выражения, видимо, в своей сущности непостижимо, поскольку новая юриспруденция, исследуя право, постоянно меняет и аналитические, и предметные границы явления права. Понятие права существует не само по себе. Это – составная часть концептуальной реальности. Концептуальная реальность – это реальность не фактов и отношений, это пространство образов и представлений о фактах и отношениях. Оно расширяется и сужается. Оно живет одновременно и как категория, и как представление, и как институт. В нем воспроизводится новое право и его понятия. Смена гештальта или неизвестное в известном открывает бесконечную перспективу в развитии юридической науки, поскольку никто не знает, что такое право в собственном значении своего видимого явления и скрытого понятия.

Постюриспруденция – это не дисциплинарный комплекс, а тем более не отдельная дисциплина в общей системе социогуманитарного знания. Это – парадигмальная фаза эволюции юридической науки, непрерывно переопределяющей свой предмет и язык в поисках себя в этом предмете. Это – попытка юридически осмыслить и концептуализировать социальную реальность в ее новой онтологии нестабильности, неустойчивости и неопределенности социальных процессов. Предметная реальность постюриспруденции – это разрывы и сдвиги в линейной логике преемственности фактов, событий и явлений. Это – проблематика новых форм нормативности права и новых форм концептуализации права. Явление права обнаруживает себя в изменениях институтов, образов и определений права. Строительство собственной кодифицированной юридической аналитики продолжается, чтобы исчезнуть и снова повториться³⁸.

³⁷ Точное наименование класса подобных теорий дано А. Лефевром: «унитарные теории», т.е. теории, ищущие себя и не находящие самое себя из-за отсутствия критического начала собственных оснований, а потому снова и снова возвращающиеся к своим исходным основаниям. Теории не только отражают реальность, но также ее консервируют и меняют, поскольку осмысливают содержание явления в его исторических понятиях (см.: Лефевр А. Производство пространства. М., 2015).

³⁸ См.: Рейснер М. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов М.В. Методы теоретического правове­дения в контексте глобализации // Труды ИГП РАН. Т. 12. 2017. № 4.
2. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции – интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике. М., 2016. С. 48–72.
3. Бауман З. Текучая современность. М. – СПб., 2008.
4. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000.
5. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
6. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 75.
7. Бурдые П. Габитус и пространство стилей // Бурдые П. Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 538–543.
8. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2014. С. 75.
9. Бурдые П. Формы капитала // Бурдые П. Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 521–528.
10. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. М., 2016.
11. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал рос. права. 2008. № 6.
12. Варламова Н.В. Современная компаративистика: сравнительное правове­дение или сравнительная культурология // Современное правове­дение: поиск методологических оснований: материалы Всерос. науч. конф. М., 26 мар. 2010 г. М., 2011.
13. Варламова Н.В. Философия права и правовая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки. СПб., 2006.
14. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
15. Вебер М. Основные понятия социологии // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 453–482.
16. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М., 2015. С. 34.
17. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018.

18. *Гревцов Ю.И.* Очерки теории и социологии права. СПб., 1996.
19. *Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю.* Энциклопедия права. М., 2008.
20. *Демин А.В., Гройсман С.Е.* Фактор принуждения в контексте «мягкого права» // *Lex Russica*. 2019. № 4. С. 56–65.
21. *Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К.* Теоретическая социология: условия фрагментации и единства. — Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 1. 1993.
22. *Зайцева Е.А.* «Мягкое право»: объективная реальность или юридическая метафора // *Современное право*. 2012. № 1.
23. *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права. М., 1995.
24. *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986.
25. *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2003.
26. *Корнев А.В.* Цифровые технологии, социальные процессы, модернизация права и возможное будущее российского юридического образования // *Lex Russica*. 2019. № 4. С. 23–29.
27. *Культуральные исследования права / под общ. ред. И.Л. Чеснова, Е.Н. Тонкова.* СПб., 2018.
28. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2009.
29. *Лакман Р.* Что такое историческая социология? М., 2016.
30. *Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Чеснова.* СПб., 2019.
31. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 316.
32. *Лефевр А.* Производство пространства. М., 2015.
33. *Ломакина И.Б.* Легитимация правовых знаний в социокультурном контексте // *Легитимность права / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Чеснова.* СПб., 2019. С. 256–275.
34. *Лукашева Е.А.* Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // *Сов. государство и право*. 1975. № 4.
35. *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства // *Избр. труды по общей теории права.* СПб., 2006.
36. *Мажорина М.В.* Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // *Lex Russica*. 2019. № 2. С. 107–120.
37. *Марксистско-ленинская теория государства и права. Т. 1. Основные институты и понятия.* М., 1970.
38. *Мартынов В.И.* Конец времени композиторов. М., 2019.
39. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999.
40. *Нерсесянц В.С.* Право: единство понятия и разнообразие определений // *Сов. государство и право*. 1983. № 10.
41. *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983.
42. *Нерсесянц В.С.* Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // *Государство и право*. 2001. № 6. С. 5–15.
43. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2005.
44. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2000.
45. *Норбер Р.* Юридическая антропология. М., 1999.
46. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924.
47. *Перлер Д.* Теории интенциональности в средние века. М., 2016.
48. *Пешков И.* Риторика мифа в жанре поэтики // *Фрейдентберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 438.
49. *Поляков А.В.* Коммуникативное правопонимание // *Поляков А.В.* Избр. труды. СПб., 2016.
50. *Поляков А.В.* Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.
51. *Потапенко Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015.
52. *Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Чеснова.* СПб., 2016.
53. *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. Кн. 1. Введение в изучение права и социальных наук. М., 1972.
54. *Разумовский И.П.* Проблемы марксистской теории права. М., 1925.
55. *Рейснер М.* Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925.
56. *Рене Д.* Основные правовые системы современности. М., 1967.
57. *Российский ежегодник теории права.* 2008. № 1 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009; 2009. № 2 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011; 2010. № 3 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011; 2011. № 4 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2012.
58. *Синюков В.Н.* Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // *Актуальные проблемы рос. права*. 2018. № 9. С. 19–29.
59. *Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Чеснова.* М., 2015.
60. *Тимашев Н.С.* Методологические работы. 1920–30 годы М., 2010. С. 53–75.

61. *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971.
62. *Фуллер Л.* Структура аналитического правового позитивизма // Фуллер Л. Мораль права. М. – Челябинск, 2019. С. 227–234.
63. *Хауленд Д.* Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX века. М. – Челябинск, 2020.
64. *Хомский Н.* Глубинная и поверхностная структура // Хомский Н. Картезианская лингвистика. Главы из истории рационалистической мысли. М., 2018. С. 70–106.
65. *Хомский Н.* Три модели описания языка. М., 1961.
66. *Хук М. ван.* Право как коммуникация. СПб., 2012.
67. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
68. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.
69. *Честнов И.Л.* Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика. СПб., 2002.
70. *Четвериков В.А.* Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Lex Russica. 2019. № 4, 5.
71. *Щепаньский Ян.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.
72. Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013.
73. *Эриксен Т.Х.* Что такое антропология? М., 2014.
74. *Юнгер Э.* Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М., 2018.
7. *Bourdieu P.* Habitus and the space of styles // Bourdieu P. Western economic sociology. Anthology of modern classics. M., 2004. P. 538–543 (in Russ.).
8. *Bourdieu P.* Social space and symbolic power // Bourdieu P. Sociology of social space. SPb., 2014. P. 75 (in Russ.).
9. *Bourdieu P.* Forms of capital // Bourdieu P. Western economic sociology. Anthology of modern classics. M., 2004. P. 521–528 (in Russ.).
10. *Varlamova N.V.* Heterarchicity of modern legal systems and post-Soviet theory of law // Problems of post-Soviet theory and Philosophy of Law. M., 2016 (in Russ.).
11. *Varlamova N.V.* Russian theory of law in search of a paradigm // Journal of the Russ. law. 2008. No. 6 (in Russ.).
12. *Varlamova N.V.* Modern comparative studies: comparative law or comparative Culturology // Modern law: search for methodological grounds: materials of All-Russian. science. Conf. M., 26 Mar. 2010. M., 2011 (in Russ.).
13. *Varlamova N.V.* Philosophy of Law and legal dogmatics (the problem of internal consistency of legal theory) // Jurisprudence of the XXI century: horizons of development. Essays. SPb., 2006 (in Russ.).
14. *Vasil'ev A.M.* Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of legal theory. M., 1976 (in Russ.).
15. *Weber M.* Basic concepts of sociology // Weber M. Favorites: Protestant ethics and the spirit of capitalism. M., 2006. Pp. 453–482 (in Russ.).
16. *Virno P.* Grammar of the multitude. To the analysis of forms of modern life. M., 2015. P. 34 (in Russ.).
17. *Giddens E., Sutton F.* Basic concepts in sociology. M., 2018 (in Russ.).
18. *Grevtsov Yu.I.* Essays on the theory and sociology of law. SPb., 1996 (in Russ.).
19. *Grevtsov Yu. I., Kozlikhin I. Yu.* Encyclopedia of law. M., 2008 (in Russ.).
20. *Demin A.V., Groysman S.E.* The factor of coercion in the context of “soft law” // Lex Russica. 2019. No. 4. P. 56–65 (in Russ.).
21. *Johnson T., Dandekar K., Ashworth K.* Theoretical sociology: terms of fragmentation and unity. – Thesis. Theory and history of economic and social institutions and systems. Vol. 1. Vol. 1. 1993 (in Russ.).
22. *Zaitseva E.A.* “Soft law”: objective reality or legal metaphor // Modern law. 2012. No. 1 (in Russ.).
23. *Kazimirchuk V.P., Kudryavtsev V.N.* Modern sociology of law. M., 1995 (in Russ.).
24. *Carbonier J.* Legal sociology. M., 1986 (in Russ.).
25. *Kovler A.I.* Anthropology of law. M., 2003. (in Russ.).

REFERENCES

1. *Antonov M.V.* Methods of theoretical jurisprudence in the context of globalization // Proceedings of the ISL of the RAS. Vol. 12. 2017. No. 4 (in Russ.).
2. *Baranov V.M.* Encyclopedia of jurisprudence-integrative development of the General theory of law and state // Theory of state and law in science, education and practice. M., 2016. P. 48–72 (in Russ.).
3. *Bauman Z.* Liquid modernity. M. – SPb., 2008 (in Russ.).
4. *Bergel J.-L.* General theory of law / ed. by V.I. Danilenko. M., 2000 (in Russ.).
5. *Burke P.* What is cultural history? M., 2015 (in Russ.).
6. *Bourdieu P.* The power of law: fundamentals of the sociology of the legal field // Bourdieu P. Social space: fields and practices. SPb., 2014. P. 75 (in Russ.).

26. *Kornev A.V.* Digital technologies, social processes, modernization of law and possible future of Russian legal education // *Lex Russica*. 2019. No. 4. P. 23–29 (in Russ.).
27. Cultural studies of law / ed. by I.L. Chestnov, E.N. Tonkov. SPb., 2018 (in Russ.).
28. *Kuhn T.* The structure of scientific revolutions. M., 2009 (in Russ.).
29. *Lachman R.* What is historical sociology? M., 2016 (in Russ.).
30. The legitimacy of law: the collective monograph / under the General ed. of E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2019 (in Russ.).
31. *Leist O.E.* The essence of law. Problems of the theory and Philosophy of Law. M., 2011. P. 316 (in Russ.).
32. *Lefevr A.* The production of space. M., 2015 (in Russ.).
33. *Lomakin I.B.* Legitimation of legal knowledge in a sociocultural context // The legitimacy of the law / under the General ed. of E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2019. P. 256–275 (in Russ.).
34. *Lukasheva E.A.* General theory of law and multidimensional analysis of legal phenomena // *State and Law*. 1975. No. 4 (in Russ.).
35. *Magaziner J.M.* General theory of law on the basis of Soviet legislation // Selected works on the General theory of law. SPb., 2006 (in Russ.).
36. *Mazhorina M.V.* Digital platforms and international private law, or is there a future for cyberpromo? // *Lex Russica*. 2019. No. 2. P. 107–120 (in Russ.).
37. Marxist-Leninist theory of state and law. Vol. 1. Basic institutions and concepts. M., 1970 (in Russ.).
38. *Martynov V.I.* The end of the time of composers. M., 2019 (in Russ.).
39. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state. M., 1999 (in Russ.).
40. *Nersesyants V.S.* Law: unity of concept and diversity of definitions // *State and Law*. 1983. No. 10 (in Russ.).
41. *Nersesyants V.S.* Law and law. M., 1983 (in Russ.).
42. *Nersesyants V.S.* Comparative law in the system of jurisprudence // *State and Law*. 2001. No. 6. P. 5–15 (in Russ.).
43. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law. M., 2005 (in Russ.).
44. *Nersesyants V.S.* Jurisprudence. Introduction to the General theory of law and state. M., 2000 (in Russ.).
45. *Norber R.* Legal anthropology. M., 1999 (in Russ.).
46. *Pashukanis E.B.* General theory of law and Marxism. Experience in criticism of basic legal concepts. M., 1924 (in Russ.).
47. *Perler D.* The theory of intentionality in the middle ages. M., 2016 (in Russ.).
48. *Peshkov I.* Rhetoric of myth in the genre of poetics // *Freudenberg O.M.* Poetics of plot and genre. M., 1997. P. 438 (in Russ.).
49. *Polyakov A.V.* Communicative understanding of law // *Polyakov A.V.* Selected works. SPb., 2016 (in Russ.).
50. *Polyakov A.V.* General theory of law. Problems of interpretation in the context of the communicative approach. SPb., 2004 (in Russ.).
51. *Potapenko N.D.* Linguistic turn in historiography. SPb., 2015 (in Russ.).
52. Post-classical ontology of law / ed. by I.L. Chestnov. SPb., 2016 (in Russ.).
53. *Pento R., Grawitz M.* Methods of social Sciences. Book 1. Introduction to the study of law and social Sciences. M., 1972 (in Russ.).
54. *Razumovsky I.P.* Problems of the Marxist theory of law. M., 1925 (in Russ.).
55. *Reisner M.* Law: Our law. Someone else's law. Common law. L., 1925 (in Russ.).
56. *Rene D.* Basic legal systems of our time. M., 1967 (in Russ.).
57. Russian Yearbook of legal theory. 2008. No. 1 / ed. by A.V. Polyakov. SPb., 2009; 2009. No. 2 / ed. by A.V. Polyakov. SPb., 2011; 2010. No. 3 / ed. by A.V. Polyakov. SPb., 2011; 2011. No. 4 / ed. by A.V. Polyakov. SPb., 2012 (in Russ.).
58. *Sinyukov V.N.* General theory of law and development of branch legal Sciences // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 9. P. 19–29 (in Russ.).
59. Sociocultural anthropology of law / ed. by N.A. Isaev, I.L. Chestnov. M., 2015 (in Russ.).
60. *Timashev N.S.* Methodological works. 1920–30 years. M., 2010. P. 53–75 (in Russ.).
61. *Tumanov V.A.* Bourgeois legal ideology. To criticize the doctrines of law. M., 1971 (in Russ.).
62. *Fuller L.* The structure of analytical legal positivism // Fuller L. The morality of law. M.–Chelyabinsk, 2019. P. 227–234 (in Russ.).
63. *Hauland D.* Translation from the West: the formation of political language and political thought in nineteenth-century Japan. M.–Chelyabinsk, 2020 (in Russ.).
64. *Chomsky N.* Deep and surface structure // Chomsky N. Cartesian linguistics. Chapters from the history of rationalistic thought. M., 2018. P. 70–106 (in Russ.).
65. *Chomsky N.* Three models for the description of the language. M., 1961 (in Russ.).
66. *Khuk M. van.* Law as communication. SPb., 2012 (in Russ.).
67. *Cherdantsev A.F.* Logico-linguistic phenomena in jurisprudence. M., 2012 (in Russ.).

68. *Chestnov I.L.* Postclassical theory of law. SPb., 2012 (in Russ.).
69. *Chestnov I.L.* Modern types of legal understanding: phenomenology, hermeneutics, anthropology and synergetics. SPb., 2002 (in Russ.).
70. *Chetverikov V.A.* The large hadron Collider as a legal phenomenon // *Lex Russica*. 2019. No. 4, 5 (in Russ.).
71. *Shchepan'sky Jan.* Elementary concepts of sociology. M., 1969 (in Russ.).
72. Encyclopedia of jurisprudence or integral jurisprudence? Problems of study and teaching: materials of the seventh philosophical and legal readings in memory of academician V.S. Nersesyants / rev. ed. V.G. Graftsky. M., 2013 (in Russ.).
73. *Eriksen T.H.* What is anthropology? M., 2014 (in Russ.).
74. *Yunger E.* Changing the Gestalt. Forecast for the XXI century. M., 2018 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

VEDENEEV Yury A. – Doctor of Law, Professor of the Department of theory of state and law of Kutafin Moscow state Law University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia